

Т. В. Зверева

**«СУМЕРКИ БОГОВ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ
СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО «ОЖИВЛЕНИЕ БУБНА»**

Данная статья обращена к книге Сергея Стратановского «Оживление бубна». Новизна работы связана с тем, что в ней впервые представлен развернутый анализ данного текста. В фокусе исследования – поэтическая интерпретация мифов народов России (карело-финские, марийские, мордовские, удмуртские, чувашские, мансийские, татарские, башкирские, бурятские, чукотские, нивхские, якутские и т. д.). Особое внимание в статье уделено анализу стихотворений, обращенных к финно-угорским преданиям и мифам. Стратановский не только выявляет уникальность отдельных культур, но и обнаруживает единые архетипические структуры, на глубинном уровне нивелирующие внешние различия. Главный конфликт книги – столкновение языческих верований и пришедшей им на смену христианской веры. Большинство текстов оказываются преломлением «основного мифа», в качестве которого у Стратановского выступает «цивилизационный миф» о приходе Учителя. Важную роль в формировании смысла играют отсылки к литературным претекстам («Калевала», А. Блок, К. Ф. Жаков и Ю. С. Рытхэу и т.п.). Анализ текста позволил сделать вывод об условности художественного времени, которое соотносится не только с прошлым, но и с настоящим, т. е. речь идет не столько о конкретном моменте в истории человечества, сколько о ситуации «здесь и сейчас» (*hic et ubique*). В «Оживлении бубна» поднята важнейшая для современной России проблема, касающаяся соотношения русской культуры и культуры малых народов. Особо отмечена восходящая к фольклору принципиальная вариативность книги – имеется несколько авторских версий «Оживления бубна», которые отличаются между собой количеством текстов и жанровым составом.

Ключевые слова. С. Стратановский, постмодернизм, неофициальная поэзия, ленинградский андеграунд, поэтический цикл, миф, фольклор, архетипы, «Калевала».

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-651-658

Имя Сергея Стратановского по праву занимает одно из самых значимых мест на современном поэтическом Олимпе. Представитель «филологической школы», неофициального крыла ленинградской поэзии 1970-х гг., Стратановский по-прежнему много пишет, и его стихи носят крайне злободневный характер. В силу самого разного рода обстоятельств «филологическая поэзия» долгое время не привлекала внимания литературоведов, являясь в лучшем случае объектом критики. Собственно литературоведческий интерес к представителям ленинградской поэзии возник в начале 2000-х гг., когда появился ряд важных исследовательских работ, в которых были очерчены принципы уникальной поэтики как неофициальной поэзии в целом, так и творчества Стратановского в частности. [Нестеров 2003; Нитченко 2010; Луцевич 2010; Бак 2015]. Поэзия Сергея Стратановского характеризуется не столько утонченной игрой с предшествующей литературой («Башмачкин», «Болдинские размышления», «Иван Федорович Шпиль-

ка», «Гоголь в Иерусалиме», «Обломов», «Князь Мышкин», «Залепетал в исступленьи Шатов...», «Крысолов», «Шариков – Преображенскому», «Эдуард Багрицкий» и т.д.), сколько переосмыслением первичных кодов человеческой культуры. Предмет этой поэзии – катастрофическое столкновение эпох: языческой и христианской. Стратановский заново переосмыслил ветхозаветные и новозаветные сюжеты (книги «Смоковница», «Иов и Араб»), а также фольклор и мифы народов России (книга «Оживление бубна»).

«Оживление бубна» – беспрецедентное путешествие русского автора по фольклору народов России. Будучи в 1960-е гг. участником семинара В. Я. Проппа, Сергей Стратановский побывал на берегах Онежского озера, где в составе студенческой диалектологической экспедиции записывал фольклор, эти первичные впечатления отразились в книге, написанной спустя почти 50 лет (в скобках заметим, что Пропп видел в Стратановском будущего фольклориста). При обращении к анализу книги «Оживление бубна» необходимо иметь в виду, что книга написана не только поэтом, но и филологом, чьи теоретические и практические познания фольклора приводят к порождению неожиданных смыслов.

Поэтическая книга Стратановского включает в себя стилизацию эпоса малых народов России. Взгляд извне – взгляд всегда провокационный по своей сути. Насколько близко удалось представителю другой культуры приблизиться к пониманию того или иного культурного феномена? Возможен ли подлинный диалог между различными культурами? И не нарушают ли подобные тексты хрупкое равновесие между национальными мирами? В «Оживлении бубна» русская культура осмыслена как культура узурпирующая. Имперское величие России, по мысли автора, во многом обеспечено кровью и болью малых народов. Конфликт «большого» и «малых» миров усиливается трагическим столкновением языческой и христианской веры. В данном аспекте «Оживление бубна» – книга своевременная, еще раз указывающая не своеобразие России, на отсутствие в ней единой национальной картины мира. Однако парадокс заключается в том, что, критически осмысляя прошлое и указывая на тотальную власть русского народа над национальными меньшинствами, Стратановский сам в очередной раз покушается на чужие мифы, присваивая себе право на внешнюю оценку происходящего. Вместе с тем взгляд извне неизбежно разрушает миф, ибо миф есть «высшая реальность», не допускающая позиции вне-находимости. Вследствие этого перед автором стояла очень сложная задача: с одной стороны, воскресить мифологические сказания малых народов; с другой – сохранить их аутентичность, не разрушить мифа от соприкосновения с поэтическим словом. Именно этой, не снимаемой противоречивостью и напряженностью авторского взгляда, интересно данное произведение.

Как известно, у народов Сибири бубен – это «не только музыкальный инструмент, но и универсальное выражение модели мира, карта мироздания» [Новик, Христофорова]. Так уже в названии книги очерчивается смысловая перспектива, связанная с реконструкцией мифопоэтической картины мира. Композиция книги также связана с устройством бубна: с членением мироздания по вертикальной и горизонтальной оси. В Предисловии указан еще один принцип композиции, восходящий к географическому членению: «Принцип ее композиции – географический: с запада на восток, от карел до нивхов. Не все народы попали в поле моего внимания, поэтому книга эта всегда может быть дополнена. Иногда я точно следовал мифическим и фольклорным сюжетам, иногда же сочинял их сам, используя лишь мотивы» [Стратановский 2019, 225]. Таким образом, художественное пространство имеет тенденцию к предельному расширению, тем более, что данный поэтический цикл характеризуется принципиально открытой структурой, которая предполагает дальнейшее дополнение текстов. Художественное время также предельно раздвинуто – от первовремени до современности (от незапамятной эпохи Вайнямейнена, Ёна, Аттилы, Тангара до столетия чебоксарского бухгалтера и уральских «хищных заводов»). Свообразными временными маркерами являются и отсылки к предшествующим фольклорным и литературным текстам («Калевала», А. Блок, К. Ф. Жаков и Ю. С. Рытхэу и т.п.). В результате подобного построения цикла время обнаруживает свою условность. Кроме того, преодолевается характерная для эпоса «эпическая дистанция» [Бахтин 2000]. Несмотря на

стилизацию древнего эпоса, действие в книге разворачивается «здесь и сейчас» (*hic et ubique*). Показательно, что в поэтическом цикле превалирует грамматическое настоящее время, а прошедшее время, как правило, выступает в функции настоящего.

Авторские интенции в «Оживлении бубна» связаны как с выявлением своеобразия отдельных культур, так и с обнаружением архетипов, на глубинном уровне нивелирующих внешние различия. В цикле имеются тексты, восходящие к мифам типологически разных народов, но Стратановский показывает их принципиальную близость. Взгляд автора устремлен к исходной глубине – к той первоизданной тьме, которая отменяет различия. Так, зеркально отражаются друг в друге истории, рассказанные в стихотворениях «Говорит дева Луны» Марийский миф» и «Дева неба». Якутский миф». Единым сюжетом, объединяющим книгу, является гибель языческих богов: карело-финских, марийских, мордовских, удмуртских, чувашских, мансийских, татарских, якутских и т. д. В целом ряде случаев в пределах одного текста осуществляется синтез разнородных культур: например, в «Урал-Батыре и Гильгамеше» изображен словесный поединок двух героев, принадлежащих башкирскому и шумеро-аккадскому эпосу. «Имена древних героев отсылают к двум разным эпическим мировоззрениям, отношениям к смерти, однако ни одно из них не отменяет друг друга...» [Бак 2015, 469–470]). Принцип противопоставления является ведущим в книге, вследствие чего различные культуры переплетаются друг с другом, образуя новое парадоксальное единство.

Многие сюжеты намеренно созданы автором как поэтические вариации исходных легенд и преданий («Эква-Пырищ и русский богатырь». По мотивам мансийской устной прозы», «Бегство богов». Фантазия на зырянскую тему. По образцу рассказа-фантазии К. Ф. Жакова «Бегство северных богов», «Литова». По мотивам мордовских песен», «Говорит бог Тангар». Фантазия по мотивам чувашских мифов», «Идегей борется с великаном Альпом». По мотивам татарского эпоса «Идегей», «Гэсар и лама». Использованы мотивы бурятского эпоса «Абай-Гэсэр» и т. д.). Подобные отступления от изначальных текстов закономерны и вписываются в фольклорную парадигму, с ее установкой на живой голос и сказителя. Отметим также и восходящую к фольклору вариативность «Оживления бубна» – имеется несколько версий книги, отличающихся между собой количеством текстов, но и жанровым составом (некоторые варианты содержат прозаические фрагменты). Принципиальная открытость структуры связана с тем, что книга поднимает вопросы, отбрасывающие тень в будущее, вследствие чего текст может дописываться и дополняться. В какой-то степени, «Оживление бубна» – своеобразное обыгрывание художественных экспериментов, которые были предложены еще в нач. XX в. Каллистратом Жаковым (имя этого писателя чрезвычайно важно как для понимания книги «Оживление бубна», так и для русской словесности в целом [Созина 2007; Созина 2011]).

Уже в первом отрывающемся цикле стихотворении («Русский князь и Вяйнямйнен») содержится этическая и эстетическая декларация. Стратановский обращается к одному из важнейших сюжетов «Калевалы», повествующему о странствиях первогероя по Нижнему миру. Именно там по преданию Вяйнямйнен должен узнать три слова, нужных для строительства лодки или починки «песенного полоза». «Починить песенный полоз» – значит вернуть рунопевцу способность сказывать свои руны-заклинания, вложить недостающие слова в его уста» [Кундозерова 2018, 29]. Древнейшие представления о слове как строительном элементе преломляются у Стратановского в реплике Вяйнямйнена: «Слово лечит, а не губит, / слово строит, а не рушит» [Стратановский 2019, 225]. Поэтическое слово как потомок слова вещего не имеет права на разрушение (в скобках отметим скрытую полемику Стратановского с известным стихотворением Н. Гумилева «Слово», где слову атрибутирована не только созидательная, но разрушительная функция: «Словом останавливали Солнце / Словом разрушали города»). Отказ старого кудесника Вяйнямйнена от просьбы русского князя использовать слово для победы над врагами показателен. Гибель мира слишком хорошо видима герою, которому только и остается как отказаться от своего права на вешее слово и превратиться в обыкновенного воина, чтобы встретить свою смерть на поле боя и навсегда уйти из чуждого ему мира. Вслед за

Вяйнямёйненем покинут средний мир и другие боги. Неотвратимость *другой* культуры, *другого* времени, *другого* героя – сквозные темы, организующие идейно-художественное единство книги. Приход христианской эры осмыслен автором как трагический слом времен. Так в стихотворении «Бегство богов», связанным с рассказом К. Ф. Жакова «Бегство северных богов», великий Ён с горестью говорит о приходе нового бога:

Но недолог наш век
и конец его близок уже.
Вижу в толще грядущего
человека, с крестом к нам идущего,
Черноризца великого...
Повернет он народ к богу новому,
И народ нас низложит
[Стратановский 2019, 226]

Ему вторит чувашский Тангар:

Но прошло наше время.
.....
И вот теперь новый бог
Сокрушил наши троны,
выгнал нас из дворцов изумрудных
[Стратановский 2019, 234]

Нижний мир – единственное надежное пристанище для героев книги:

«...И хочу сойти я к смерти,
к Туонелы водам черным»
[Стратановский 2019, 225];

«Мы уйдем от напасти,
мы в ладье поплывем с вами вместе
В море мрака холодного,
В море последнее – вместе»
[Стратановский 2019, 226].

Тема смерти как ведущая заявлена уже в эпиграфе, взятому из «Калевалы»: «У потока Туонелы / У глубоких вод Маналы». В карело-финском эпосе Туонела (Манала) – мифическая страна, связанная с миром мертвых. Как показано в исследовании V. J. Mansikka, топоним Туонела (*Tuonela*) образуется путем прибавления суффикса – *la* к основе лексемы “*tuo-ni*”, что означает «смерть, местопребывание мертвых» [«*Suomen sanojen...*» 2000, 330]. В основе параллельного Туонеле топонима Манала (*Manala*) лежит лексема “*mana*”, которая в свою очередь также восходит к семантике смерти [Turunen 1949, 202]. Обращает на себя внимание тщательная разработка данного сюжета в карельской и финской мифологии [Siikala 2012]. Если в «Калевале» сопряженное с опасностью странствие по мертвому необходимо героям для добычи сакрального знания, то у Стратановского Нижний мир – последнее пристанище богов, которым нет места в прежней действительности. В свою очередь последние стихотворения цикла также обращены к водным мифам, но теперь финские реки уступают место морям народов крайнего Севера («Потомок кита». Использованы мотивы повести Ю. С. Рыхтэу», «Говорят охотники на тюленей». Нивхский обряд»). Таким образом, «черные», «огнемутные» воды закольцовывают цикл, а завершается книга «Эвенкийскими похоронами». Стратановский уходит от мифологической модели восприятия мира, для которой свойственно понимание смерти как но-

вого рождения. Воды Туонелы и Маналы поглощают богов и первогероев навсегда, эсхатология превалирует над космогонией.

Для понимания замысла важно, что Стратановский предпочитает говорить от лица персонажей, вследствие чего изменяется и угол зрения на описываемые события и, самое главное, – оценка происходящего. Ориентация на голос героя часто проявлена в названиях стихотворений: «*“Говорит дева Луны”*. Марийский миф», «*“Говорит Бог Тангар”*. Фантазия по мотивам чувашских мифов», «*“Говорят охотники на тюленей”*. Нивхский обряд». Отметим также, что конструктивным принципом книги становится разрушение субъектной сферы – границы, отделяющие различные субъектные формы (автор-повествователь, рассказчик, персонаж) оказываются подвижными, как бы перетекающими друг в друга. При этом правом голоса наделен весь мир, в том числе предметы, природа, буквы.

В «Оживлении бубна» язычество выступает в своей жертвенной ипостаси, в то время как новая вера наделена автором чертами агрессивности (подобная оценка связана с изменением угла зрения – это взгляд из времени, предшествующему христианству):

Из Москвы пришли люди с ружьями.
Люди жадные, злые
К нам пришли и сказали: «Несите
Шкурки беличьи, заячьи,
соболей и куниц нам несите
[Стратановский 2019, 232]

Тема враждебности насаждаемой веры особенно ярко проявлена в стихотворениях, обращенным к финно-угорским мифам («*“Человекодеревья”*. Марийский миф», «*“Литова”*. По мотивам мордовских песен», «*“Лесная книга”*. Удмуртский миф»). Кричит марийская рябина, изрубленная по указанию попа («Криком кричала она, и до сих пор этот крик / Ночью слышен бывает» [Стратановский 2019, 227]); стонет от боли кинутая в огонь Лесная книга удмуртов («Застонала она, а потом заорала от боли...» [Стратановский 2019, 232]); проклята местным попом мордовская Литова («В пост великий не ходит Литова / В церковь Божью о грехах своих молиться...» [Стратановский 2019, 230]). В этих и других случаях можно говорить о гибели Космоса, неизменно сопровождающегося криком жизни. Мы уже писали, что Стратановский в большинстве случаев обращается к преданиям, типологически общим для различных культур. Так, в «Лесной книге» воскрешена история об утраченной книге удмуртов: книга, хранящая сакральные знания, сжигается в момент прихода русских. В результате боги навсегда отворачиваются от народа, не сумевшего сохранить «лесные буквы». Как показано в исследовании А. Камитовой, подобные представления характерны не только для удмуртского народа, но присутствуют и в мифологии близких народов – марийцев, мордвы, т.е. речь в очередной раз идет об общих архетипических сюжетах [Камитова 2016, 55–63].

Исходя из выше сказанного, ведущей темой в «Оживлении бубна» является столкновение двух эпох – дохристианской и христианской (в сущности большинство текстов оказываются преломлением «основного мифа», в качестве которого у Стратановского выступает «цивилизационный миф» о приходе Учителя). Возможным претекстом «Оживления бубна», на наш взгляд, могут быть «Труды и дни» Гесиода (напомним, что отцом поэта был Георгий Стратановский – известный переводчик трудов Гесиода. Безусловно, Сергею Стратановскому, филологу по образованию, были хорошо известны «Труды и дни»). В то время как человеческая культура в целом ориентирована на прогрессивную модель истории, древнегреческий автор в своем главном труде утверждает противоположную – регрессивную – модель, в соответствии с которой «золотой век» уступает место «железному» и положение людей ухудшается с течением времени.

Вместе с тем, в «Оживлении бубна» прошлое и настоящее не столько противопоставлены, сколько сопоставлены друг с другом. Речь идет не о конкретном моменте в истории чело-

вечества, но о вечной борьбе света и тьмы, нижнего и верхнего миров. Не случайно целый ряд текстов обращен к сюжету поединка, в том числе и словесному агону («Идегей борется с великаном Альпом», «Урал-Барыр и Гильгамеш», «Эква-Пырищ и русский богатырь», «Гэсэр и Лама»). В одном из своих исследований О. М. Фрейденберг писала о первичной сути подобных поединков: «...Один герой олицетворяет аспект “преисподней”; другой – “неба”. <...> поединок представляет собой агон этих же двуединых носителей положительно-отрицательной стихии – воплощений в живом виде “да”, жизни, и “нет”, смерти» [Фрейденберг 1998, 77]. Единство всех времен обеспечено невозможностью окончательной победы человека над нижним миром, о чем говорит один из героев книги («“Нюргун-Боотур в старости”. Используются мотивы якутских олонхо»):

...и, наверно, века продолжаться
Будут войны со злом,
потому что мир Нижний, мир хищный
Никогда не исчезнет
[Стратановский 2019, 245]

При этом в «Оживлении бубна» стерта граница, отдаляющая жизнь людей от существования Богов. В данном аспекте изображенный автором мир обладает удивительной целостностью, подчинен единым законам – общим для обитателей верхнего, среднего и нижнего миров.

В ткань всей жизни страданье
вплетено незаметными нитями.
Все страдают... Боги – и те страдают...
[Стратановский 2019, 243]

В соответствии с авторской логикой пришедшее на смену язычеству христианство заведомо несет в себе черты всё той же обреченности, поскольку история человеческой культуры неотделима от трагической смены формаций, катастрофические сломы – неизменное свойство истории как таковой. Жизнь людей и жизнь Богов подчинена единым законам, один из которых – умение смириться перед неотвратимостью нового хода вещей и вовремя уйти в Нижний мир. Однако драматическая тональность всё же не определяет смысловое целое книги. Сергей Стратановский возвращает Слову его изначальную (вокативную) функцию – называть имена героев и тем самым воскрешать мифы. Название книги оказываются решающим для понимания позиции автора и напрямую отсылает к важнейшему для русской культуры «орфическому сюжету» о добывании «живого слова» [Асоян 2015]. Боги нисходят, уходят герои, но «бубен», олицетворяющий у Стратановского поэзию, остается тем инструментом, благодаря которому осуществляется связь времен и через который возможно услышать живой голос прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Асоян А. А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике. СПб.: Алетейя, 2015. 88 с.
Бак Д. Сергей Стратановский // Бак Д. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. С. 467–472.
Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.
Камитова А. В. Книга и письменность в традиционных представлениях удмуртов // Филологические науки. 2016. № 5 (158). С. 55–63.
Кундозерова М. В. Туонела: иной мир в системе координат карельского эпоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 28–35.
Луцевич Л. «Ленинградский религиозно-мистический круг 1970-х годов» (к проблеме культурной памяти) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 2. С. 68–85.

Нестеров А. Герменевтика, метафизика и «другая критика» // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3> (дата обращения: 24.07.2020).

Нитченко А. Сергей Стратановский. «Оживление бубна» // Зинзивер. 2010. № 3. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2499> (дата обращения: 20.07.2020).

Новик Е. С., Христофорова О. Б. Визуальные образы мира в сибирском шаманизме. Ч. 1. URL: <https://esoterics.wikireading.ru/11361> (дата обращения: 10.07.2020).

Созина Е. К. Комиэтничность К. Ф. Жакова в контексте русской культуры // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 14. № 53. С. 222–230.

Созина Е. К. О творческой мифологии Каллистрата Жакова в культурном контексте рубежа XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 13–18.

Стратановский С. Изборник: стихи 1968–2018. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 384 с.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

Siikala A. L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. R–Ö. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2000. 503 s.

Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. 350 s.

Поступила в редакцию 12.09.2020

Зверева Татьяна Вячеславовна

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп.2)

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T. V. Zvereva

“TWILIGHT OF GODS” IN SERGEY STRATANOVSKY'S POETIC BOOK STRATANOVSKY “ANIMATION OF THE TAMBOURINE”

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-651-658

The paper analyses the book *Animation of the Tambourine* by Sergey Stratanovskii. The research focuses on the poetic interpretation of the Russian peoples' myths (Karelian-Finnish, Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash, Mansi, Tatar, Bashkir, Buryat, Chukchee, Nivkhi, Yakut, etc.). Special emphasis is made on the analysis of the poetry which refers to Finno-Ugric legends and myths. The author considers that S. Stratanovskii not only educes the unique character of certain cultures but also reveals universal archetypical structures which moderate surface differences on the primal level. The main conflict of the book is the clash between heathen beliefs and Christian faith which replaced them. Most texts deflect S. Stratanovskii's 'basic myth', i.e. the 'civilization myth' about the Teacher's arrival. Reference to fiction pretexts (*Calevala*, A. Blok, K. Zhakov and Y. Rytkheu, etc.) play an important role in sense making. Text analysis lets the author draw the conclusion of conventionality of artistic time continuum which correlates with past and present as well which means the hic et ubique situation rather than a given period in human history. *Animation of the Tambourine* raises a most important problem for the present-day Russia, namely the problem of interrelationship between the Russian and indigenous ethnic groups' cultures. The fact ascending to folklore – fundamental variability of the book – is noted as there are a few copies of *Animation of the Tambourine* written by the author himself which differ in number of texts and genre composition.

Key words: S. Stratanovsky, postmodernism, informal poetry, the Leningrad underground, poetic series, myth, folklore, archetypes, "Kalevala".

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 651–658. In Russian.

REFERENCES

Asoyan A. A. Semiotika mifa ob Orfee i Evridike [Myth semiotics about Orfee and Evridike]. SPb.: Aleteja, 2015. 88 p. In Russian.

Bak D. Sergei Stratanovskii [Sergey Stratanovsky]// Bak D. Sto poetov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoi russkoi poezii [Hundred poets of a beginning of the century: the Grant on modern Russian poetry]. M.: Vremya, 2015. Pp. 467–472. In Russian.

Bahtin M. M. Epos i roman [The epos and the novel]. SPb.: Azbuka, 2000. 300 p. In Russian.

Kamitova A. V. Kniga i pis'mennost' v tradicionnyh predstavleniyah udmurtov [The book and writing in traditional representations of Udmurts] / Filologicheskie nauki [Philological sciences]. 2016. № 5 (158). Pp. 55–63. In Russian.

Kundozerova M. V. Tuonela: inoi mir v sisteme koordinat karel'skogo eposa [Tuonela: other world in system of co-ordinates of the Karelian epos] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk state university]. 2018. № 6. Pp. 28–35. In Russian.

Lucevich L. «Leningradskii religiozno-misticheskii krug 1970-kh godov» (k probleme kul'turnoj pamyati) [“The Leningrad religious-mystical circle of 1970th years” (to a problem of cultural memory)] / Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury [The house of Burganova. Culture space]. 2010. № 2. Pp. 68–85. In Russian.

Nesterov A. Germenevtika, metafizika i «drugaya kritika» [Hermeneutics, metaphysics and “other criticism”] // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]. 2003. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3> (data obrashcheniya: 24.07.2020). In Russian.

Nitchenko A. Sergej Stratanovskii. «Ozhivlenie bubna» [Sergey Stratanovsky. “Tambourine Revival”] // Zinziver [Zinziver]. 2010. № 3. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2499> (data obrashcheniya: 20.07.2020). In Russian.

Novik E.S., Hristoforova O. B. Vizual'nye obrazy mira v sibirskom shamanizme [Visual images of the world at the Siberian shamans]. URL: <https://esoterics.wikireading.ru/11361>(data obrashcheniya: 10.07.2020).

Sozina E. K. Komietnichnost' K. F. Zhakova v kontekste russkoi kul'tury [Komietnichnost' K. F. Zhakov in a context of Russian culture] // Izvestiya Ural. gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki [News of the Ural state university. A series the Humanities]. 2007. Vyp. 14. № 53. Pp. 222–230. In Russian.

Sozina E. K. O tvorcheskoi mifologii Kallistrata Zhakova v kul'turnom kontekste rubezha XIX-XX vv. [About creative mythology of Kallistrata Zhakova in a cultural context of boundary XIX-XX centuries] // Ural'skii istoricheskii vestnik [The Ural historical bulletin]. 2011. № 4 (33). Pp. 13–18. In Russian.

Stratanovskij S. Izbornik: stihy 1968–2018 [The collection: verses 1968-2018]. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2019. 384 s. In Russian.

Frejdenberg O. M. Mif i literatura drevnosti [Myth and the antiquity literature]. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 800 p. In Russian.

Siikala A. L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 p. In Finnish

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. R–Ö. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2000. 503 p. In Finnish

Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. 350 p. In Finnish

Received 12.09.2020

Zvereva Tatyana Vjacheslavovna

The Doctor of Philology, the professor

Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru